

разговор на бульваре

Когда читаешь стихи Леонида ФИЛАТОВА, иногда холодок пробирает. Как мог он так точно предугадать свою судьбу? Что это: пророчество или ясновидение? “Случись мы рядом с ним в тот страшный миг, и Смерть бы проиграла в поединке. Она б взяла его за воротник, а мы бы уцепились за ботинки”, — писал он в 1980 году в память об ушедших товарищах. Ему самому повезло больше. Рядом с ним в тот страшный миг была жена Нина.

Она вцепилась в него истоиво, всей силой любви земной. И удержала.

В “Забывтой мелодии для флейты” его герой лежал навзничь на полу, а над ним рыдала любимая женщина, моля бога о милости, — и это был яркий киношный ход, трогательный и душещипательный. В жизни все произошло точно так же, только гораздо тише и обыкновеннее. Как и положено настоящему обыкновенному чуду.

«Снимешься в гробу — долго жить будешь...»

— Леонид Алексеевич, вы когда-то написали: “О, не лети так, жизнь! Чуть-чуть замедли шаг, другие вон живут неспешно и подробно. А я спешу, мосты, вокзалы, ипподромы промахивая так, что только свист в ушах”. В каком ритме сейчас движется ваша жизнь: она летит, бежит или идет?

— Она все равно летит. Хотя вроде я и бездельничаю, из дома не выхожу. Но... сейчас другой свист в ушах. Когда писались эти строчки, речь шла о суетности бытия, о вечной беготне. Теперь все наоборот. Ты сидишь и смотришь, а жизнь несется мимо тебя все быстрее и быстрее.

— Вы часто смотрите в прошлое? И что вы там видите?

— Самое разное. Чаще всего всякие пакости. В молодости мало думаешь, больше делаешь. Детство свое я не люблю. Не могу сказать, что оно было уж совсем безрадостное, но вспоминать не хочется.

— Правда, что в юности вам тюрьма светила? Драки, сходки, сломанный в бою нос...

— Нос мне действительно переломали. А то, что в тюрьму мог сесть, — неправда. Был один инци-

А.Степанов

Леонид ФИЛАТОВ

РЕЧЬ О ПРОЩЕНИИ
И НЕПРОЩЕНИИ

МК Бульвар-2003
29 февр - с 46-50.

«Для верующих людей слова «Господь Бог спас» не метафора. Это значит: спас руками близких людей, врачей».

Сцена из фильма «Забывая мелодию для флейты» стала пророческой в судьбе Леонида Филатова.

дент, когда меня взяли в Ашхабаде: подошел наряд прямо в кафе, ничего не объясняя, повязали. Потом оказалось, что меня подозревали в убийстве: кого-то шлепнули в округе, и кто-то сказал, что убийца похож на меня. Когда

меня выпускали, какой-то товарищ в отделении говорит: «Успокойся, это не ты». Ну спасибо тебе, отец родной. А то я уже засомневался! Вот и весь мой тюремный опыт, остальное — уже легенды.

— Еще одна ваша строчка: «Свободный от морали и закона, я принародно писаю с балкона». Это вы о себе?

— (Смеется.) Почему о себе? Это мой персонаж говорит! Нет, никогда не испытывал такого желания. Я человек экстремальный и, наверное, иногда задеваю чьи-то интересы, но все же стараюсь никого не оскорблять. Хотя... не всегда получалось. Язык мой — враг мой.

— Покаяться ни перед кем не хочется?

— А я уже покаялся. У меня есть духовник, вот перед ним я и покаялся всем, перед кем виноват. У кого-то лично прощения просил, а некоторых уже и нет на свете. А публичное биение себя в грудь — занятие малопочтенное. Это дело моей совести.

— Однажды вы описали свое состояние в самый тяжелый период болезни: «Я был как мыслящий тростник». Что открывает в себе человек, переживший такое?

— Число испугов! Число испугов в жизни меняется очень сильно. Раньше ты боялся этого, этого, этого... А теперь ты боишься только этого... И немножко — этого.

— Чего вы теперь боитесь?

— Больше всего — за своих близких. За себя — нет. Чего мне бояться? Я уже знаю, как все происходит. Для людей верующих смерть — немного другое, чем для людей светских. Есть ведь великие слова: у Бога свой счет. Понимаете? Совершенно свой.

— А суеверия вам свойственны? Не возникало мысли, что вы сами накликали на себя беду стихами: «Пусть будет все — болезнь, тюрьма, несчастный случай. Я все перенесу, но не лети так, жизнь».

(Нина Сергеевна вдруг подхватывает на полуслове: «Все правильно».)

— О, это любимый тезис моей жены. Любимый! Она меня уже уела: мол, не надо было, нельзя такое писать. (Н.С.: «Конечно, нельзя. Мне стало плохо, когда я прочла эти слова».) У меня есть и другие строчки, мистикой отдающие — стихотворение про анонимщиков. Оно целиком сбылось. (Н.С.: «Причем с

поразительной точностью! Я его спрашивала даже: откуда ты узнал?») И про передачу «Чтобы помнили» ходили похожие разговоры, меня многие отговаривали ее снимать. Один даже сказал: «Что вы, как некрофил, в покойниках ковыряетесь!»

Я раньше не придавал значения подобным приметам, но когда случается... Я уже не могу решить: правда это или нет. Считается, что актер, сыгравший яркую смерть, сам рискует умереть. Помните, так про Шукшина говорили. А с другой стороны: снимешься в гробу — долго будешь жить. Разговоров и примет много. Это профессия такая — мистическая, греховная.

«Леня, во-первых, Козерог, а во-вторых — искуситель...»

— Вот вы говорите, что Бог спас и врачи. А разве не жена вытащила вас с того света?

— Конечно, она. Причем в прямом смысле. Она три года жила рядом со мной в больнице. Когда стало ясно, что мне необходима пересадка донорской почки, все понимали, что эта операция может положить конец вообще всему... Но если ее не сделать, финал будет тот же. Врачи не могли решиться. И Нина взяла всю ответственность на себя. Дала письменное согласие на операцию: официальную расписку за мою жизнь.

В больнице в кабинете главврача в самый тяжелый период болезни.

— Надеюсь, сейчас я стал мягче... Да и болезнь сделала свое — сил мало осталось. Так, на словах я еще могу поерепениться, а совершить поступок какой-то жесткий уже трудновато.

— Нет, Нина, грех говорить, сейчас он с нами общается и помогает. У Дениса большая семья, три дочки: Оля, Таня, Маша, сыну Алексею уже полтора года. Только что, накануне Нового года, родился пятый ребенок, мальчик. Назвали Мирославом.

— Вы никогда не хотели иметь своих детей?

— Захотел, но поздно. В юности люди беспечны... А с годами, конечно, приходит такое чувство, знаете... Комок в

горле, когда видишь маленьких.

— Вы с Ниной Сергеевной венчаны?

— Конечно. Нас венчал Деня — здесь, дома.

Н.С.: «Леня тогда только вернулся из больницы. Он даже еще стоять не мог, сидел во время венчания».

— Ну прям сидел! Это потом, когда он разрешил мне, я сел. А пока он читал, я стоял... У нас же с Ниной было девять лет тайной жизни, вы знаете? Девять лет греха.

Н.С.: «Леня, нет, это не грех! У нас же не было традиционного романа: увидели друг друга, понравились и стали встречаться. Это — судьба. И сон мой вещий, и тень на стене... Леня! Все это не просто так. (И уже обращаясь ко мне.) Как мне приснился вещий сон про Леню, я уже много раз рассказывала. А тень... Мы гадали, как обычно девушки гадают в Крещение, — мнется лист бумаги, поджигается, и тень, которую он отбрасывает на стене, что-то означает. У меня получилось так: сначала кто-то рогатый с бородой. (Филатов: «Еще бы! Понятно кто!») Потом вроде как щенок. А потом совершенно точно получался кулак с большим пальцем, поднятым вверх. Позднее оказалось, что Леня, во-первых, Козерог, а во-вторых — искуситель. Вот вам «рогатый». Он же по роскопу Собака — вот вам щенок...»

— И, возможно, в будущем еще и рогатый! Тебе такая трактовка не приходила в голову? (Под общий хохот Леонид Алексеевич спускает нас на бrenную землю.)

— Прямо булгаковщина какая-то!

«Дай бог не путать унитаз
с рукомойником...»

— Вам нравится фильм, который снят по вашей сказке «Про Федота-стрельца»?

— В общем-то вопрос довольно неоднозначный. Там прочтение текста, прямо скажем, весьма... новое, удаляющееся от оригинала. Но я считаю, что режиссер Сергей Овчаров — настолько талантли-

Это еще не все семейство. На снимке не хватает двух внуков, Алексея и Мирослава.

Как кормить столько ртов — неясно, а в какие инстанции нужно идти за помощью многодетным семьям, Филатовы не знают.

Слухи о том, что в юности Филатов сидел в тюрьме, не подтвердились. Кадр из фильма «Грачи».

— Вы вырастили и воспитали сына Дениса. Но с биологическим его отцом отношения не сложились, мягко говоря. Одно время по Москве ходила гневная переписка Филатова с Золотухиным...

— Когда хочешь обидеть, уже самую тяжелую артиллерию пускаешь в ход...

— А Денис вас не упрекал, когда вырос? Не пытался заступиться за родную кровь?

— Да что вы! Другой вопрос, он несколько раз меня уговаривал... У Дениса ведь церковный взгляд на вещи, он же батюшка. И он говорил: «Столько лет прошло, вы уже прожили жизнь, ну чего вам теперь делить? По-христиански прости его, и все». Я ответил: «Деня, мне не за что его прощать. Тут не какая-то обида старая или еще что-то... Это отвращение. То есть речь не идет о прощении или непростении». Причем с годами это чувство стало довольно спокойного свойства. Чего он там пишет, чего играет — просто неинтересно.

— Но вы разрешаете Валерию Сергеевичу общаться с внуками, с сыном?

— Разумеется! Наоборот, у нас однажды был с Денисом серьезный разговор: когда перед получением паспорта он попросил взять мою фамилию. Причем не напрямую просил, а чуть лукавил: давай, мол, сделаем так, что мне дадут паспорт, и там будет написано, что я Филатов. Я сказал: «Денис, и какими глазами я буду смотреть на людей?!»

Н.С.: «Золотухин с сыном долго вообще не общался. Он со второго класса Дениса даже не видел и не звонил. И не помогал совсем. Это сейчас седьмой десяток пошел, вот и потянуло к внукам».

Нас с Ниной судьба по-разному сводила. Мы же играли в спектакле «Мастер и Маргарита». Нина — Маргариту, я — Мастера. И еще: оказывается, Булгаков умер от моей болезни. Тогда не умели пересаживать органы...

вый человек, что даже стать поводом для его творческой фантазии — это уже большая честь.

— Не жалеете, что не пошли к Аркадию Райкину, когда он вас звал? Жизнь могла бы пойти совсем по другому руслу.

— Нет, не жалею. Хотя там была целая история. Костя Райкин учился на год младше меня в Щукинском училище. И жили мы поблизости: я — в общежитии ТЮЗа, они — на улице Горького. Я уже работал на Таганке, когда однажды вечером Костя позвонил: "Лень, ты не мог бы прийти к нам? Папа хочет тебя видеть". Меня это немножко насторожило. Мэтры такого класса никогда не обогревали меня вниманием. Я пришел, в квартире было несколько человек — все покойники ныне: Лев Кассиль, писатель Леонид Лиходеев. И тут я понял, что мне предстоит вроде как смотрины. На столе что-то стояло, мы немножко выпили, я раздужарился, разострился. Они милостиво улыбались, слушая. Потом Аркадий Исаакович предложил поговорить наедине. Он всегда разговаривал очень тихо, когда был не на сцене, почти шептал: "От меня уходят три человека... По своей инициативе уходят, я их не выгонял. Кое-кому из них я уже сделал квартиру, кое-кому, по счастью, не успел. Двухкомнатную я тебе не обещаю, но общежитие тебе точно не грозит. Гастроли у нас: осень — Япония, потом Германия, в планах Великобритания... Будешь играть и писать, и делать все что захочешь". Все это я слышу от мэтра, который со мной, щенком, выясняет мои жилищные проблемы. Слава богу, у меня хватило ума спросить: можно ли подумать? Сказать "нет" духу не хватило, хотя я уже знал, что никуда не поеду. Он улыбнулся неподражаемо: "Ну подумай, подумай. Надумаешь — позвони". Время шло, я не звонил.

— Похоже, он искал второго Жванецкого!

— Видимо, да. Как-то поздно вечером я приезжаю к маме Вани Дыховичного, моего однокурсника. Ваня в то время работал у Райкина, я

Виктор ГОРЯЧЕВ

позвонил ему в Питер, рассказал свою историю: мол, не знаю, как быть. Он говорит: "Леня, ты с ума сошел! Ни в коем случае. Я сам собираюсь мазать лыжи. Он — гений. А с гениями работать нельзя. Ничего ты не будешь играть, ничего не будешь писать, не надейся. Миша же Жванецкий не сумасшедший. Раз он уходит, значит, есть причины". Через какое-то время раздался звонок от Руфи Марковны, жены Аркадия Исааковича. Поговорили мы очень быстро. "Ну что вы решили, Ленечка?" — "Руфь Марковна, не буду лукавить, я не могу оставить сейчас свой театр". — "Жаль, Ленечка". На этой ноте скрытой обиды отношения надолго прекратились.

Лишь спустя много лет мы встретились. Шел чей-то юбилейный вечер, и вдруг я слышу голос ведущего: "Сначала выход такой-то, потом Аркадий Исаакович Райкин, а потом — Филатов". Меня это привело в такой ужас: как после Райкина пойдет Филатов?! В дикой истерике я бросаюсь за кулисы: "Ты что, с ума сошел! Поставь меня куда угодно, главное — до Аркадия Исааковича". Вдруг сзади мне на плечо мягко опускается чья-то рука, и тихий голос Аркадия Исааковича произносит: "Леня, не беспокойтесь. Артист Филатов может идти после артиста Райкина". Это было как бы его прощение, он дал понять, что не держит зла.

— Сейчас, с высоты прожитых лет, вы не жалеете о том, как резко повели себя в отношении Юрия Любимова?

— Когда Юрий Петрович вернулся из-за границы, у меня было очень трепетное отношение к нему. Но... вскоре труппа раскололась, и я перешел на другую сторону — на сторону Коли Губенко. Вот и все. Я считал, что именно эти люди больше ну-

"Сigaretы — это уже одна из последних форм разврата. Или предпоследних. Это то, с чем я расстаться не могу, да уже и не вижу резона".

«Я не знал, как объяснить Райкину, почему я, живя в общежитии, отказываюсь от квартиры и от работы. Те трое, ушедшие тогда от Аркадия Исааковича: это Миша Жванецкий, Рома Карцев и Витя Ильченко».

По тиражам стихи
Леонида Филатова
давно опередили
Пушкина, оставив
Андрею Сергеевичу
почетное третье
место...

Виктор ГОРЯЧЕВ

разговор на бульваре

Этот снимок — один из самых печальных в семейной коллекции.

Нина Сергеевна его не любит: «Леня здесь больной, грустный. Ему тогда было совсем несладко...»

ждаются в поддержке. А позиция Юрия Петровича — не буду ее обозначать — не казалась мне правильной. Не кажется и сейчас.

— Вы как-то обмолвились, что ни Таганка, ни сам Любимов реставрации не подлежат.

— Постарела первая генерация — все, театр умер. Но все равно хорошо, что Юрий Петрович ставит спектакли. Правильно сказал Леня Ярмаольник: «Дай нам бог дожить до его возраста и не путать унитаз с рукомойником. А он спектакли ставит!»

Одна из предпоследних форм разврата

— Глядя, сколько вы курите, я понимаю, что в маленьких жизненных радостях вы себе все-таки не отказываете?

— Я бы назвал вам одну радость, но боюсь, что это прозвучит дико... Ну хорошо: незабываемое остро-радостное чувство я испытал в первые дни после операции — когда впервые услышал звук журчащей воды в унитазе.

Н.С.: «Он в реанимации только очнулся, сразу «дайте сигарету». Был период, когда я пыталась его остановить, считала, что, если я не буду курить, он тоже перестанет. Нет, не помогло».

— А как насчет алкоголя?

— Пить я вынужденно бросил. Этого мне сейчас совсем нельзя. Я и раньше никогда не пил по-настоящему, в российском смысле. Всего раза два в жизни напивался так, чтоб нетвердо стоять

на ногах. Хотя для релаксации рюмочки две хлопнуть ежедневно — дело святое. А потом оказалось, что это не менее вредно, чем глушить горькую.

— Вы всегда довольно иронично отзывались о своем литературном творчестве. Учитывая, что ваши стихи по тиражам на втором месте, а Пушкин на третьем — самоирония уже смахивает на кокетство.

— (Смеется.) Думаю, это в первую очередь не делает чести стране, которая поставила Пушкина на третье место. Просто у меня договор с крупным издательством. Приятно, что они сами проявляют инициативу, сами меня теребят, просят что-то новенькое. Сейчас готовится к выходу книжка под названием «Эликсир любви».

Н.С.: «Расскажи, как ты Шекспира однажды дописал!»

— Да ну! Глупости! (Мы уговариваем уже вдвоем, и Филатов сдается.) Ну ладно. Одна из сцен в «Гамлете» — между Лаэртом и Клавдием — идет на переднем плане, перед занавесом. Сзади тенью подбегает гонец и сквозь дырку в занавесе просовывает бумаги. Король спрашивает: «Что там еще?» Гонец: «Письма, государь! От Гамлета, и вам, и королеве». — «Кто подал?» — «Не знаю. Говорят, какие-то матросы». — «Ступайте, вы можете идти...» Вот весь текст. Гонец уходит, роль окончена. Ну и один раз я эту роль слегка доработал. Гонца играл Ванька Дыховичный, а короля — Ванька Смехов, который всегда довольно нервно воспринимал чужие импровизации. И вот полный свет, Ванька просовывает свиток сквозь занавес: «Что там еще?» — «Письма, государь. От Гамлета, и вам, и королеве». — «Кто подал?» — «Я не знаю, но в округе говорят, что якобы какие-то матросы. И я, признаться, слухам этим верю, поскольку он портовый городок. Не скрою, в Эльсиноре было время, когда матросов не было в помине, а нынче где ни плюнь — везде матрос. И так и норовит всучить письмишко от Гамлета, и вам, и королеве...» За это время побагровевший Ванька раз шесть сказал: «Ступайте, вы можете идти». Как глушилка «Голоса Америки», он не давал гонцу говорить. Но Ванька мужественно все оттабанил! Труп за кулисами легла от хохота.

— Скажите, Леонид Алексеевич, вам не жаль былого куража? Не глохнет мысль, что не тот уж красавец мужчина?

(Отвечать они начинают одновременно, в один голос.)

Н.С.: «Катя! Да вы что! Когда он побреется — он замечательно красивый и молодой!»

— Господи, Катя! Ну я же не полный идиот! Я допускаю мысль, что все люди стареют. Умирают даже. Приходить от этого в ужас глупо: вроде как ты первый. Не первый.

— КАТЯ ПРЯНИК

*Человек ведь
меняется
в процессе
болезни.
То, что раньше
ты делал
широко, со всей
силы,
наотмашь,
теперь
происходит
потихоньку,
от кочки
до кочки.
Главное, что
происходит*